

Пытки – глазами людей, их переживших

Юриада

Это история о преодолении последствий жестокого обращения со стороны работников правоохранительных органов, записанная со слов Воробьевой Татьяны Сергеевны.

- Я рассказываю эту историю, так как верю, что мой опыт может быть полезен другим людям. Возможно, я сама смогу по-новому взглянуть на эту ситуацию.

Эта история началась 15 марта 2000 года. Мой муж не вернулся домой с работы. Утром я начала обзванивать морги и вырезвители и узнала, что его отправили в отделение нейрохирургии 29-й больницы с тяжелой черепно-мозговой травмой. Позже я узнала, что в тот вечер он выпил с друзьями и пошел домой (он всегда стремился прийти пораньше, чтобы мы не волновались), но на остановке автобуса к нему подъехала милиционерская машина, сотрудники увидели, что он выпил, и захотели увезти его в вырезвитель. Юра стал сопротивляться, говорить, что он «свой» (15 лет отработал в милиции, ушел во время перестройки, чтобы больше зарабатывать на семью, а незадолго до того вечера стал работать судебным приставом). Милиционеры пытались затолкать его в машину, затем ударили дубинкой по голове.

Когда я увидела Юру в больнице, он

Интуитивно я начала записывать мельчайшие подробности каждого дня (изменения в состоянии Юры, детали лечения, новые факты о случившемся). Тетради с этими записями я назвала «Юриада». Позже они мне не раз пригодились.

Я записала, что 10 мая Юре сделали рентген черепа, а на снимках, которые мне выдали, значилось 15 марта, то есть день, предшествующий трагедии. Так я смогла узнать, что снимки подменили

был без сознания. Почти полтора месяца он провел в больнице, все это время я ухаживала за ним, но лишь спустя много дней он стал меня узнавать. Ему пришлось заново учиться говорить, ходить, как маленькому ребенку.

Нашим детям пришлось быстро повзрослеть. Сын-студент устроился на работу, доставал лекарства. Средняя дочь вместо дневного отделения поступила на заочное и взяла на себя заботу о доме и младшей сестре. Дети всегда меня поддерживали, они стали для меня верными друзьями.

Я получала большую помощь от родственников, друзей и чувствовала поддержку от бывших Юриных коллег по работе в милиции. Это было важно, так как я мобилизовала все силы на лечение любимого мужа, отца моих детей. Интуитивно я начала записывать мельчайшие подробности каждого дня (изменения в состоянии Юры, детали лечения, новые факты о случившемся). Тетради с этими записями я назвала «Юриада». Позже они мне не раз при-

годились. Например, я записала, что 10 мая Юре сделали рентген черепа, а на снимках, которые мне выдали, значилось 15 марта, то есть день, предшествующий трагедии. Так я смогла узнать, что снимки подменили.

Милиционеры, избившие Юру, не были наказаны. Единственный свидетель (мужчина, бывший в вырезывителе в тот момент, когда Юру привезли) отрицал факт избиения. Медицинская карта, необходимая для независимой экспертизы, пропала. Я писала обращения к губернатору, областному прокурору, депутатам, президенту страны, уполномоченному по правам человека. Все жалобы возвращались на рассмотрение местных органов власти, то есть провинившиеся должны были наказывать сами себя.

Сначала мне хотелось отомстить за несправедливость, потом я устала ее добиваться, затем познакомилась с сотрудниками регионального правозащитного центра и поняла, что важно бороться не ради мести, а чтобы помочь людям в схожих ситуациях. Я примирилась с тем, что жизнь не повернешь вспять («как если бы» не было трагедии - никогда не будет). Я осознала, что есть другая жизнь, радости. У нас родилась внучка.

Думаю, что случившееся повлияло на то, что наши дети выросли хорошими людьми. У них высокий нравственный потенциал, они умеют заботиться о других, я уверена, что они никогда не совершат гадких поступков. Сын стал главой рода, недавно он купил участок земли и хочет построить там дом, где мы с отцом могли бы отдыхать летом. Я и сама не позволяю себе распускаться, несмотря ни на какие обстоятельства стараюсь выглядеть оптимистично, следить за своим внешним видом. Это-

му, а также умению думать о других, я научилась у своей мамы Веры Михайловны.

Из своего опыта я смогла извлечь несколько полезных навыков:

- чтобы лучше понимать близких, нужно представлять себя на их месте. Отношения с больным человеком далеко не всегда бывают гладкими. Я не обижалась на «вредность» мужа, потому что понимала, как ему тяжело все время сидеть дома;

- чтобы отстоять свою правоту, полезно собирать информацию о похожих случаях (вырезки из газет и журналов), делать копии всех справок, документов;

- не замыкаться на проблеме, позволить близким и самой себе жить дальше, интересоваться чем-то новым.

У меня есть ощущение, что, когда ты открыто общаешься с людьми, это привлекает добрые дела.

Сначала мне хотелось отомстить за несправедливость, потом я устала ее добиваться, затем познакомилась с сотрудниками регионального правозащитного центра и поняла, что важно бороться не ради мести, а чтобы помочь людям в схожих ситуациях.

«Не только ради себя и своего сына»

Это история о выживании и преодолении последствий жестокого обращения, записанная со слов Людмилы Ивановны Оцалюк, матери человека, пострадавшего от произвола и самовласти органов милиции. Мы надеемся, что эта история окажется полезной для тех, кто оказался в похожей ситуации.

- Сын мой уже в возрасте, 39 лет, семейный, двое деток. Но так случилось, что мне пришлось пойти на защиту сына и бороться с несправедливостью.

Моего сына избили – нанесли вред

здоровью средней тяжести: агония сетчатки глаза, черепно-мозговая травма, двусторонний перелом нижней челюсти. Он обратился в милицию, чтобы написать жалобу. И оказалось, что человек, который его избил, родственник начальника милиции. Заявление отказались регистрировать. Тогда он пошел в центральную приемную больницу. Там его сразу не приняли, велели на следующий день прийти, несмотря на то что выявили перелом. Сын пошел домой, но по пути его перехватили сотрудники милиции и повезли - вместе с избивавшим - в больницу сдавать анализ крови на алкоголь. Медсестра в

больнице сказала, что у нее и у врача нет допуска на такие анализы.

Заявление в милицию не приняли и назавтра. А сына госпитализировали, и в больнице он в итоге пролежал 21 день. И туда постоянно стали ходить сотрудники милиции, требовать, чтобы он забрал свое заявление. Говорить сын не мог из-за перелома челюсти, но все-таки сумел меня вызвать, через невестку. Невестка мне объяснила, что случилась беда и Сереже срочно нужен адвокат, так как его избил родственник начальника милиции, постоянно оказывается давление, не дают спокойно лечиться.

Одиннадцатого апреля мы с адвокатом отправились в больницу. Стали выяснять, что там с этим анализом крови на алкоголь. В журнале регистрации, который удалось вытребовать, была запись о том, что брали кровь – но ведь говорили же, что нет лицензии на такие анализы!

Потом нам повезло – у нас в руках оказалась история болезни, которую обычно больным не дают. Врачи стали требовать ее обратно, а я сказала: «Вы ее не получите, пока я ее не прочту и не отксерокопирую, от корки до корки». Читаю: когда его положили, у него брали на биохимию один анализ крови из вены – и в рамках лечения ему уже успели сделать четыре инъекции в вену хлористого калия. То есть всего пять следов от уколов в вену. А если брали кровь на алкоголь – должно быть шесть.

Тогда мы пошли в судмедэкспертизу, и эксперт сына осмотрела и сказала: три укола, сделанные не позже трех дней назад и два за последние два дня. То есть пять, шестого укола она нигде не нашла и написала заключение. Потом я дошла и до судмедэкспертизы, где проверяют кровь на содержание алкоголя, чтобы узнать, поступала ли к ним кровь «от сына». Да, говорят, была, алкоголя нашли 2,7 промилле. Я попросила сделать анализ – резус-фактор определить, группу крови. И кровь не сошла – то есть уже 100%, что у сына ее не брали.

Одновременно с этим адвокат по-

шел разговаривать с начальником милиции, чтобы на Сережу давить перестали. Начальник милиции пригласил и меня и сказал: «Сын ваш уже пострадал, ничего не вернуть, ребята молодые, у сына вашего 18 лет выслуги (он тоже в милиции, водителем). А тот, кто избил, - он тоже там работает. Давайте так сделаем, чтобы они примирились. Мы на сына перепишем автомобиль, чтобы моральный и материальный ущерб возместить». И даже мне стал угрожать: «Если не пойдете на примирение, обоих уволю с работы и на обоих в суд подам». Вызывает он того, кто избил, я на него смотрю, и так мне жалко его: я - мать троих детей, а он ведь тоже чье-то дитя. И я ему только сказала: «Ну, что ты натворил?!» Решила – все равно обратно не повернуть того, что случилось, будем выкарабкивать-

ся. А начальник милиции как увидел, что у меня слеза пошла, тут же говорит: «Даю служебную машину, поезжайте к сыну, чтобы шел на примирение». А тому, кто избил, велел ехать следом и просить прощения.

Сначала адвокат с сыном поговорил, потом я, потом этот, избивший, прощения попросил. Пожали они друг другу руки. Четырнадцатого числа переписали на сына машину - в счет моральной компенсации, а пятнадцатого прибежал в больницу участковый и говорит: «На тебя машину переписали, теперь давай нужные показания». Сын себя плохо чувствовал, сказал: «Пиши что хочешь» - и участковый сам написал служебное расследование. Через двадцать дней сын вышел на работу, ему дали прочитать, что участковый написал. А написал он, что это Сережа того, другого, избивал (а не наоборот), и что был Сережа такой пьяный, что сам упал на металлическую урну и сам себе поломал челюсть.

Сын мне копию служебного расследования передал, я почитала и тут же стала писать жалобы - главному прокурору республики, в ФСБ, президенту, министру МВД, обратилась к министру МВД нашей республики. Из Администрации Президента, от прокурора получили ответы, что разбираться будет местная прокуратура. А из республиканской прокуратуры ответ, что все жалобы отправлены в местную прокуратуру, в следственный отдел. Прокурор в местной прокуратуре сразу отменил

У нас в руках оказалась история болезни, которую обычно больным не дают. Врачи стали требовать ее обратно, а я сказала: «Вы ее не получите, пока я ее не прочту и не отксерокопирую, от корки до корки».

постановление о служебном расследовании против сына и завел уголовное дело против того, который избивал.

А дальше следственный отдел в течение 7 месяцев молчал. Семь месяцев прошло, никакого следствия, ничего вообще. Ни одного человека не допросили, никто даже не шелохнулся. Потому что все - в зависимости от того начальника милиции.

После того как я написала везде жалобы, начальник милиции велел отправить к моему сыну инспектора ГАИ и изъять водительские права. Вот зачем нужна была эта подделка крови. Чтобы чем-то подстраховаться. Сын отказался протокол подписывать и давать объяснения. В прокуратуре уже знали, что давление на сына еще будет, и ему посоветовали быть начеку. Он взял у друзей диктофон, и когда приехал сотрудник ГАИ, он записал весь разговор. И у него есть записанный от начала до конца разговор, где гаишник сам говорит, от кого и зачем он пришел. «Я не по своей инициативе сюда пришел, а по приказу начальника милиции... И тебя будут судить».

Сын отказался подписывать протокол, но в ГАИ все сделали сами и подали на сына в суд. А судья без всяких доказательств, без анализа крови лишил сына водительских прав на полтора года.

Мы подали апелляцию в Верховный суд. Так как не было никаких доказательств, Верховный суд его оправдал, права вернули.

На фоне всего этого у сына открылась язва желудка, у меня был сердечный приступ. Мы решили подать иск на возмещение материального и морального, чтобы получить обратно деньги – я ведь платила адвокату, за все анализы и экспертизы. И поначалу нам мировой судья присудил эти деньги вернуть,

Начальник до сих пор на сына давление оказывает. Они решили сделать «ход конем» и начали сами сына судить – шесть судов уже было: собрали шесть свидетелей, частных предпринимателей, которые зависят от милиции и дают показания

13000 рублей. А они не согласились, подали апелляцию, и постановление вышло такое, что мы добивались всего этого «в своих интересах», и ни копейки денег нам не вернули. Дальше нам предстоит кассационный суд.

Но начальник до сих пор на сына давление оказывает. Они решили сделать «ход конем» и начали сами сына судить – шесть судов уже было: собрали шесть свидетелей, частных предпринимателей, которые зависят от милиции и дают показания, что сын того, избившего, оскорблял. Его оштрафовали на 20 тысяч за это. А теперь Сережу еще судят по результатам служебного расследования – за то, что, якобы, он избивал. Не знаем пока, чем все это кончится.

В апреле будет год, как все началось. Сыну пришлось уволиться, хотя он прослужил 18 лет, вышел по выслуге лет. И ему должны были дать 15 окладов, 90 тысяч, а выплатили ему всего 16 тысяч, то есть 4 оклада! И опять нам надо подавать в суд и выяснять, по какой причине это так.

Все это время материнский инстинкт мне придавал силы. В семье дети помогают. Дети уже говорят иной раз: «Бабушка, ты себя жалеешь, не расстраивайся, не убивайся... Как будет - так и будет». Но сдаваться я не буду, надо до последнего идти. Не только ради себя и своего сына. Чтобы справедливость существовала. Мне уже 57 лет, и детей я этому учила, и недурно их воспитала.

И протест против всей этой несправедливости меня мучает. Для всех людей должен быть закон одинаковый! Я этого так не оставлю. За что мы боремся тогда, если можно человека в порошок стереть так просто? Нет, так не должно быть! Иначе для чего жить, если на свете такое беззаконие? Я думаю: если не кто-то - за меня, так я хоть сама - за кого-то. Как младшая дочка моя когда была маленькая, говорила: «Я болею, я вырасту и стану лечить людей, чтобы они не болели, чтобы им не мучиться, как мне».

Я считаю, что люди должны бороться с несправедливостью. И чтобы там, наверху, знали, сколько незащищенных людей вокруг. Не должно быть самосуда, не должно быть таких начальников. И я хочу, чтобы все это попало в Интернет и на телевидение, и буду рада, если люди узнают.

Все должно быть открыто, гласно.

Людям, которые оказались в подобной ситуации, я бы посоветовала: держаться всеми силами, укреплять свое здоровье. И бороться дальше, изо всех сил, до последнего. Чтобы люди не сдавались, чтобы бились. Надо ставить преступников на место. Президент, Дума - до них это все не доходит и не дойдет. Поэтому люди должны добиваться на своем месте справедливости. И не бояться никаких чиновников – они такие же люди. Должен быть один закон и для бедных, и для богатых!

Незаконное задержание

Это история о том, как семья Петровых справлялась с последствиями жестокого обращения и злоупотреблением служебным положением со стороны сотрудников милиции. В интервью участвовали дочь Татьяна (23 года), ее мать Алла, отец Сергей.*

Эта история началась субботним вечером в сентябре 2008 года.

Татьяна была в клубе, в какой-то момент заметила, что пропала ее сумочка, расстроилась и решила ехать домой.

* фамилии и имена в данной истории были изменены

Они вызвали «скорую», и Татьяну увезли в больницу. Врач посочувствовала истории Татьяны, но сказала: «Раз ее не убили – не докажете, что милиционер виноват».

Вышла на улицу, взяла такси. На половине пути сказала водителю, что нет денег и что за проезд заплатят родители. Таксиста это не устроило, и он попросил ее выйти из машины. В этот момент они находились в безлюдной местности (в отдаленном районе города, путь в который проходит через леса и поля). Поэтому Татьяна отказалась выйти из машины. Таксист отвез ее обратно в центр. Там она тоже не согласилась выходить и стала требовать, чтобы он отвез ее домой. Тогда водитель отвез ее в ближайшее отделение ППС, пожаловался, что она отказывается платить, и передал дежурным. Милиционер Чурилов В.А. (ФИО настоящие) посадил девушку в «клетку». Она потребовала, чтобы ей дали телефон. Он отказал, начал ее оскорблять, говорил, что ненавидит «таких как она». Татьяна разозлилась и язвительно ответила, что, видимо, у него плохо все в жизни получается, раз он здесь работает. Чурилов схватил ключи, бросился в «клетку», начал бить Татьяну кулаками по лицу. Свидетелей не было, так как, только он схватился за ключи, дежурившая вместе с ним девушка-кинолог быстро ушла на улицу.

Дежурная вернулась, вместе с милиционером они посадили девушку в какую-то машину (не милицейскую) и отвезли в медвытрезвитель. Врач решила Татьяне позвонить родителям и составила протокол. У Татьяны были синяки под обоими глазами, сильно опухли губы. Сергей и Алла приехали в пять утра в вытрезвитель, где увидели сильно избитую дочь. Им ее не отдали, сказав, что будет предъявлено обвинение в административном правонарушении. Тогда они вызвали «скорую», и Татьяну увезли в больницу. Врач посочувствовала истории Татьяны, но сказала: «Раз ее

не убили – не докажете, что милиционер виноват». Возмущенные Сергей и Алла поехали в отдел ППС, они заявили, что не оставят это дело просто так.

В понедельник состоялось слушание дела у мирового судьи. Татьяна

Татьяна с родителями наняли адвоката и узнали, что задержание было произведено незаконно – милиционер, избивший Татьяну, оказался водителем, а его напарница - кинологом. Они не имели права не только бить ее, но даже сами задерживать.

была признана виновной в нарушении общественного порядка и должна была заплатить штраф размером в тысячу рублей. Она (со слов дежурных) была задержана в парке, где непристойно себя вела, а лицо повредила, когда якобы «билась головой о перила». В суд было представлено медицинское заключение, которое все это подтверждало.

Полгода она выходила на улицу только в сопровождении родителей или друзей, опасаясь мести со стороны милиционера.

Правда, оно почему-то не было подписано Татьяной.

Татьяна с родителями наняли адвоката и узнали, что задержание было произведено незаконно – милиционер, избивший Татьяну, оказался водителем, а его напарница - кинологом. Они не имели права не только бить ее, но даже сами задерживать. По инструкции они должны были отвезти ее в отделение милиции.

Петровы подали на апелляцию. Вызванные в суд таксист, милицейский водитель Чурилов и сотрудница-кинолог путались в показаниях. Решение мирового судьи было отменено «за недоказанностью».

Татьяна обратилась в правозащитную организацию, чтобы восстановить свою репутацию. Она опять будет подавать в суд - на возмещение морального ущерба. Незадолго до происшествия она устроилась на новую работу, и ей пришлось там объясняться с начальством. Полгода она выходила на улицу только в сопровождении родителей или друзей, опасаясь мести со стороны милиционера. Кроме того, она хочет, чтобы все те, кто давал ложные показания в суде, понесли ответственность.

За прошедшее время Татьяна успела изучить законы и хотела бы посоветовать людям, попавшим в сходную ситуацию:

- знать свои права;
- не угрожать милиции, чтобы те не подменяли протоколы и мед. экспертизы заранее;
- не подписывать пустые протоколы (ей пытались это предложить);
- нанимать адвоката, чтобы жалоба на неправомерные действия сотрудников милиции была составлена правильно.

«У меня поменялось отношение к государству»

Эта история о выживании и преодолении последствий жестокого обращения и насилия, записанная со слов Романа, жителя Краснодара, подвергшегося жестокому обращению со

стороны сотрудников милиции. Мы надеемся, что эта история окажется полезной для тех, кто был в похожей ситуации.

- Я был против того, чтобы рассказывать эту историю. Но я решил согласиться, т.к. в будущем это может помочь другим людям.

Пока я находился в СИЗО, я понял,

Я предполагал, что если сопротивляться, то будет еще хуже. Чувствуешь, что за ними стоит государственная машина, а ты один, и тебе есть что терять.

что несвобода - это плохо. Это отсюда, может быть, кажется – что там такого, посидеть? Но, побывав там, понимаешь, что лишение свободы – это наказание. Силу этого наказания чувствуешь, когда выходишь на свободу. Сравнение я бы сделал такое: есть воздух - и нет воздуха. Есть воздух – это свобода. И когда у тебя нет свободы, можно сказать, что ты не живешь.

Дело было в следующем. У моей бабушки обворовали квартирантов. Не знаю, что у них украли, но они начали подозревать меня. В нашу квартиру пришли сотрудники милиции с обыском, предложили проехать в отдел и пообщаться. В отделе стали задавать вопросы: кто это сделал? кто украд? куда девал?.. Я сейчас точно не помню беседы. Говорю – не знаю. Они начали

бить меня. Больно было - раз. Ощущение абсолютной незащищенности – два. И бессилие – три. Причем двухсотпроцентное бессилие. И еще - то, что другие люди ходят мимо этого кабинета, заходят в него, видят, что происходит, но это считается у них в порядке вещей. Я был, конечно, в шоке, что для них это все так просто: просто побить человека, просто ему наговорить такого, что уши вянут... Я смотрел старые советские фильмы, где показывалось, как следствие идет: разыскали, 25 дней искали доказательства... А на самом деле их работа - побить человека, добиться признания. Причем сейчас оперативники «грамотные»: они ищут и нарабатывают способы физического воздействия, которое не оставляло бы следов: электричество используют, бьют бутылками с водой по голове...

Я пытался смягчать удары какими-то зажимами. Но у меня даже мысли не было оказывать физическое сопротивление. Может, нас так приучили, что государство всегда право? Нам не объясняют, что прокуратура должна наказывать милиционеров за такое поведение. И сами сотрудники отделений привыкли, что все это происходит безнаказанно.

Сейчас я знаю, что это - преступление. Но тогда я об этом не задумывался. К тому же я предполагал, что если сопротивляться, то будет еще хуже.

Чувствуешь, что за ними стоит государственная машина, а ты один, и тебе есть что терять. Кроме того, их было несколько. Я надеялся, что один раз ударят и больше не будут... Сейчас я знаю, что если бы я сопротивлялся, то мне бы еще одну статью вписали. Может быть, это какой-то инстинкт самосохранения сработал?

Потом мне дали подписать административный протокол. Кажется, за хулиганство. Сейчас я уже эту практику знаю. Человека задерживают на основании административного протокола - просто чтобы его запереть и не дать оклематься от их давления. Ведь если они отпустят, то человек из этого состояния выйдет и из него тяжело будет выбивать информацию.

Другие люди ходят мимо этого кабинета, заходят в него, видят, что происходит, но это считается у них в порядке вещей. Я был, конечно, в шоке, что для них это все так просто

Оттуда меня отправили в ИВС и там допрашивали. Но уже не били.

В СИЗО я просидел еще около двух месяцев, пока мама не добила моего освобождения. Я вышел и был рад, но я тогда еще не понимал, что реально мог пойти на срок. Я думал, что на суде я рассказал бы, как все было, и меня бы освободили. Теперь я понимаю, что не освободили бы, т. к. завести дело, а потом его закрыть – это ведь сложная процедура!

Как это событие отразилось на моей жизни? В принципе, я человек не мягкий. Для меня сами условия нахождения в СИЗО не были сильной травмой. Я похудел сильно – очень плохо там кормят. Потом с проблемами желудка попал в больницу. Когда было освидетельствование, у меня обнаружили посттравматический пиелонефрит. Это после того, как мне надавали по почкам.

Но самое главное то, что у меня поменялось отношение к государству. Я понял, что если бы не мама, я бы пошел далеко и надолго. Сейчас приходят много матерей, и я знаю уже, как на основании одних только слов судят человека и дают огромные сроки. Государство должно защищать человека, а оно делает наоборот.

Хотя я и говорю, что это не было стрессом, но, может, на самом деле мне просто хочется думать, что не было? Ведь когда я вышел, я некоторое время ничего не делал. Просто ел и спал. Наверное, я хотел эту амплитуду переживаний вывести в какую-то прямую.

Это похоже на общество крыс, которые могут друг друга жрать. Пусть даже один другого не съедает, но лишает его каких-то ценностей: чести, достоинства... Это ведь тоже составляющие человека. А завтра его самого съедят. Вот они в системе сами друг друга и боятся.

То, что со мной произошло, я бы назвал фашизмом, не иначе: это действие исключительно с позиции силы. Тут не только подвергают поруганию ценности людей, но и сам институт человеческого общества подвергается опасности. Потому что это похоже на общество крыс, которые могут друг друга жрать. Пусть даже один другого не съедает, но лишает его каких-то ценностей: чести, достоинства... Это ведь тоже составляющие человека. А завтра его самого съедят. Вот они в системе сами друг друга и боятся.

У меня нет надежды на справедливость. Мне мама помогла. Она не то что помогла – она перевернула ситуацию. А ее поддерживала моя родня. Потому что там были нужны финансовые вливания – поездки, передачи, адвокат. А мама тогда уволилась, потому что ее единственная работа была – меня освобождать. Она этого захотела – и сделала. Это феноменальный случай: ни денег кому-то, ничего, просто настойчивость мамы.

Мама – это единственный человек, который может беззаветно, бескорыст-

но действовать на твое благо. Я понял сущность материнства. Какой нам знак поставить между этими субъектами – мамой и ребенком? Может быть, ребенок является частью матери, и мать в конечном итоге бьется за себя. То, что навалилось на ее ребенка – это навалилось на нее.

Я бы хотел сказать тем, кто оказался в похожей ситуации, я бы на билбордах в каждом городе повесил совет: закрыть рот и молчать. Просто молчать. Обратился к тебе сотрудник милиции – молчи. Набери в рот воды. Может быть, это поможет – бить будет не за что? Тебе говорят: рассказывай, что ты делал – а ты молчишь. Поорал, когда током тебя бьют – и опять молчишь. Они посмотрят, что ты ничего не говоришь, может, отпустят. Обратиться тут не к кому – к кому? Прокурор не приходит, не проверяет. Дежурному все равно.

А признаваться, чтобы избежать побоев, я бы не советовал. Потому что система сейчас такая, что если ты что-то подпишешь, а они еще позовут местного адвоката – делу дадут ход.

Добиваться, добиваться, добиваться!..

Полтора года назад меня избил сотрудник милиции в участке. Врачи потом сказали: «Нанесение тяжких телесных повреждений с угрозой жизни». Последствия с тех пор усугубляются, здоровье уже восстановить невозможно.

Когда били, то самая яркая эмоция была – непонимание: ни за что, ни с того ни с сего... Чувство беспомощности было оттого, что некому помочь: ведь те, кто должен помогать, жестоко избивают тебя. Обида была... Не верил до конца в происходящее. Страх за свою жизнь, конечно, был тоже. Я не понимал, чем это может закончиться.

В тот момент была мысль только одна – чтобы это прекратилось, потому что я находился в полусознании, терял сознание постоянно, мыслей о будущем абсолютно не было. Не могу ска-

зать, как долго это продолжалось – я терял память. Человек, который рядом со мной сидел, говорит, что долго. То есть милиционер меня избивал, я терял сознание, вставал, он меня снова избивал, пока я не терял сознание. Много раз это повторялось. Я думал только, что потом матери будет очень тяжело видеть меня в таком состоянии.

У меня нет чувства разочарования, что я ввязался в судебные тяжбы. Я намерен довести дело до конца.

Для того чтобы защитить себя, я закрывался руками – в общем, использовал способы пассивной защиты. Это все происходило также на глазах моего друга, ему тоже досталось. Ему челюсть сломали, когда он стал меня защищать. Кричать смысла не было... Просто лежал, закрывался.

Потом, когда меня в больницу отправили, я, в принципе, не знал, что со мной. Совсем тела не чувствовал, понимал, что одним глазом не вижу, могу слепым остаться. Только через полторы недели узнал, что у меня голова проломлена. Врачи, правда, обнадеживали, не говорили «теперь всю жизнь болеть будешь» – за это им спасибо. Вначале я говорить не мог, и когда друзья приходили в больницу, не о чем было говорить.

Единственное, что после операции

видел, - это слезы матери. Она не могла даже меня поддержать, ей было трудно видеть меня, она сама была в таком состоянии... После того как со мной это случилось, она стала писать заявления во всевозможные инстанции, а ее, грубо говоря, «пинали отовсюду». В конце концов беспомощность ее тоже довела. От этого было еще хуже, конечно. Потом она от переживаний сама слегла в больницу.

Когда стало легче, родственники приезжали отовсюду, друзья постоянно приходили. Не могу выделить никого. Если говорить о родственниках, то все одинаково меня поддерживали. И друзья. Друзья у меня очень хорошие, они не давали сильно задумываться о случившемся, отвлекали как-то от всего этого.

В участке много сотрудников милиции присутствовало. На самом деле виноваты они все, а не только тот, кто меня избивал. Все видели, все знали, слышали, что происходит, но никто мне не помог.

Одновременно на меня посыпались обвинения со стороны милиции, буд-то я там чуть не до полусмерти избил участкового. Сначала говорили – одного, потом – другого... такие нелепые обвинения. Меня это еще больше угне-

тало, потому что понимал, какие могут быть последствия. Единственный, кто мне очень помог в плане продвижения моего дела, это сотрудник ОСБ (отдела собственной безопасности. – Ред.). Он постоянно приезжал, успокаивал, говорил, что «проведена проверка», что «все будет нормально», что «виновных накажем». Он действительно помог. Он тоже был сотрудником милиции, он реально старался помочь, пытался что-то сделать, это было видно.

Раньше я профессионально занимался спортом, разными видами активного спорта: бегом, легкой атлетикой, профессиональным спортивным ориентированием, туризмом во всех его проявлениях, скалолазанием, спортивным альпинизмом. А теперь все, не могу. Раньше я еще учился, а сейчас учиться не могу из-за травмы головы. Я, например, пару – лекцию полтора часа - уже отсидеть не могу из-за утомляемости.

Это я уже потом узнал, что такие случаи – не редкость... Я бы посоветовал людям, если они окажутся в схожей ситуации, держаться, надеяться, добиваться. Молчать, не обращаться за помощью, за восстановлением справедливости – это неправильно. Сегодня – тебя, завтра – кого-то другого. Если не пресекать такое, ничего хорошего не будет.

Когда я выписывался из больницы, мне врачи прописали строгий постельный режим на полгода - то есть практически не вставать. Я тогда был молодой спортсмен, я не соблюдал этот режим. Все равно я старался снова начать заниматься спортом. Если бы я дома просто лежал, это все в голове было бы, мне становилось бы все хуже и хуже. Надо

не сидеть, а активно действовать. Найти что-то интересное, что затягивало бы, отвлекало бы. И так попробовать восстановиться, так быстрее реабилитируешься.

За это время у меня прошло уже порядочно процессов. Сейчас будет четвертый - по гражданскому делу. А еще по уголовному было, по-моему, три процесса. И, наверное, это будет совсем не последний суд. Рассмотрение, повторение, расспросы свидетелей - опять заново в себе начинаешь переживать. Приятного мало, но знаешь, что это все не зря, и не только для меня одного.

Меня не только каждый раз допрашивают, но и заставляют собирать какие-то справки по поводу здоровья, экспертизы, хотя я не вижу в этом необходимости. Уже были факты, доказательства, что меня нигде больше избить не могли, что доставили меня в участок здоровым, вынесли меня оттуда уже избитым. При этом в участке много сотрудников милиции присутствовало. На самом деле виноваты они все, а не только тот, кто меня избивал. Все видели, все знали, слышали, что происходит, но никто мне не помог.

Но, несмотря на все это, у меня нет чувства разочарования, что я ввязался в судебные тяжбы. Я намерен довести дело до конца. Осадок неприятный остается после всех этих заседаний, но он сам по себе проходит, я ничего специально не делаю, чтобы он проходил быстрее. Привыкнуть, конечно, к такому нельзя, просто стараешься отвлекаться, не заморачиваться – и все проходит.

Чувство беспомощности было оттого, что некому помочь: ведь те, кто должен помогать, жестоко избивают тебя. Обида была... Не верил до конца в происходящее.

Я намерен испробовать все возможные варианты улучшения своей ситуации. Это зависит от моей воли. Поэтому я пришел к психологу. Все мои родные и друзья тоже активно настроены, морально мне помогают, чтобы я мог довести дело до конца. Такая вот моя история... Хорошо, если кому-то пригодится.

«Люди отстаивают не только свои собственные права, они заступаются за других людей»

Дэвид Денборо о принципах работы с людьми, оказавшимися в сложной жизненной ситуации

В книге «Коллективная нарративная практика» Дэвид Денборо пишет:

«Как нам следует слушать истории о страдании и откликаться на них, чтобы не только исцелять и утешать отдельного человека, но и поддерживать локальные социальные акции, направленные на восстановление справедливости,

прекращение насилия и жестокого обращения в наших с вами (весьма разнообразных) культурных контекстах? Как мы можем создать пространство признания, для того чтобы боль, скорбь и отчаяние тех историй, которые мы слышим, могли бы трансформироваться в коллективные действия? Я не имею здесь в виду ничего грандиозного, я

имею в виду локальную, осмысленную, вызывающую отклик, поддерживаемую за счет местных ресурсов в течение длительного времени социальную акцию или какой-то вклад в реформу общества.

Как подсказывает мой опыт, в рамках социальных движений люди отстаивают не только свои собственные права, они заступают-

Дэвид Денборо - социальный работник из Австралии. В начале 1990-х он работал в Лонг-Бэй, мужской тюрьме строгого режима в Сиднее, а с 1995 года он - сотрудник Далвич-центра, организации, предоставляющей услуги психосоциального сопровождения отдельным людям и группам, а также занимающейся образовательной и издательской деятельностью в русле нарративного подхода. Дэвид - ответственный редактор «Международного журнала нарративной и работы с сообществами», автор пока не изданных на русском языке книг «За пределами тюрьмы: собирая мечты о свободе» (1996), «Коллективная нарративная практика» (2008), редактор-составитель сборников «Консультирование необычных пар и семей» (2001), «Семейная терапия: Прошлое, настоящее, возможные будущее» (2002), «Нарративный подход в работе с травмой» (2006).

Дэвид работает в проектах, направленных на восстановление социальной справедливости, в Руанде, Зимбабве, Южной Африке, Чили, Аргентине, Бразилии, Палестине, Ливане, Израиле, в сообществах аборигенов Австралии, в лагерях беженцев в разных странах. Эти проекты - партнерство между Далвич-центром и местными правозащитными организациями. В 2007 году Дэвид проводил в Москве семинар по работе с сообществами.

В сфере интересов Дэвида - работа с пострадавшими от насилия, социальный активизм и искусство в его рамках (Дэвид пишет и исполняет песни, а также пишет сценарии для постановок в альтернативных театрах), создание сообществ, создание архивов историй выживания, работа с сообществами, разработка нетравмирующих методик для работы с теми, кто пережил жестокое обращение, насилие и пытки.

ся за других людей, за прошлые и будущие поколения – за всех, с кем они сами идентифицируются, пусть никогда и не встречались лично. Исходя из этого, один из возможных способов задать в нашей работе контекст для формирования и развития более широкого социального движения – это дать возможность тем, с кем мы работаем, как-то помочь тем людям, с кем они идентифицируются, что-то сделать для них, внести какой-то вклад в их жизнь.

Люди, в наибольшей степени подвергающиеся маргинализации, часто отлично понимают, что решение их проблем не будет найдено моментально... возможно, они не доживут до этого светлого часа. И, тем не менее, жизнь их становится гораздо более осмысленной, когда они пытаются что-то сделать ради будущих поколений. Исходя из этого, одним из аспектов нашей работы может быть создание контекстов, в которых местные инициативы, знания и умения одной группы людей, живущих в тяжелой ситуации, могут оказаться полезными и вдохновляющими для других групп в подобных ситуациях. Когда эти сообщества начинают осознавать, что даже если им самим плохо, они все же могут помочь другим и получить поддержку от тех, кто не понаслышке знает, каково им приходится, – это может стать стартовой точкой не только исцеления, но и социального движения.

Будучи представителями «помогающих профессий», мы не придумываем заранее, какими должны быть содержание и форма социального движения. Мы также не являемся носителями «единственно правильного способа» понимания того, каким образом более широкие социальные факторы влияют на жизнь тех людей, с кем мы работаем. Если бы мы так считали, наша работа породила бы огромное количество новых проблем. Если наша роль в культуре – быть теми, кто слушает истории о страдании и несправедливости, что мы можем сделать, чтобы наша работа способствовала не только исцелению, но и восстановлению справедливости?

Очень часто люди не одиноки в том, что им довелось пережить,

- есть более широкое сообщество, объединенное этим опытом. Однако те, кто пережил травму, как правило, чувствуют себя очень одинокими, изолированными от других людей. Мне кажется, важно разрабатывать и применять методики, помогающие преодолеть не только последствия травмы, но и последствия подобной изоляции».

Один из подобных методов, распространенный в нарративном подходе, – создание коллективных писем, собраний свидетельств, архивов историй.

Особый риск, связанный с оказанием психологической помощи пострадавшим от насилия и жестокого обращения, – это риск ретравматизации. В обыденных представлениях о психотерапии (а также в идеологии некоторых психотерапевтических школ и направлений) существует убеждение: «чтобы полегчало, сначала должно стать хуже» и «надо пройти эту боль насквозь, до самого дна». Однако вовсе не обязательно должно быть так. Если при сборе историй специально создан безопасный контекст и внимание уделяется не только тому, как именно человек пострадал, но и тем действиям, которые он предпринял или хотел предпринять ради сопротивления и самозащиты, история оказывается не «однобокой», а «двусторонней», и риск ретравматизации снижается.

В другой статье – «Сбор свидетельств пострадавших от жестокого обращения и насилия» - Дэвид Денборо пишет :

«Важно отметить, что мы записываем не только историю о том, какие именно ужасные события людям довелось пережить. Мы записываем также и то, каким образом эти люди и сообщества откликнулись на происшедшее, что они предприняли, какие поступки совершили, как люди смогли сопротивляться поруганию того, что для них важно и ценно, на что они надеялись, что помогло им вырвать свою жизнь из-под влияния травмы, а также то, откуда эти надежды и ценности пришли в их жизнь и как они на нее повлияли. В нарративном подходе это называется «двойным описанием», или «описанием с обеих сторон».

Такие «двойные описания», «описания с обеих сторон» могут быть очень полезны для самого человека, рассказывающего о том, что ему довелось пережить. Ими также можно поделиться с людьми, пережившими подобные ситуации, использовать в контексте обучения и как средство для информирования общественности – как формы более широкой политической и общественной деятельности. «Описания с обеих сторон» гораздо более увлекательны для читателя, чем одностороннее изложение травмирующих событий. Только узкий круг специалистов читает истории о пытках и насилии, но если рассказывается описание того, как человек выжил в тяжелой или даже чудовищной ситуации, эта история может обрести самостоятельную жизнь и распространиться гораздо шире. Таким образом, «описания с обеих сторон» могут способствовать более широким социальным изменениям.

Создание письменных свидетельств, которые могут быть использованы в разных контекстах, – непростая задача. Существуют способы записи последствий травмы живым и убедительным языком, без использования психиатрических терминов. В результате люди, не являющиеся профессионалами в сфере помощи, смогут лучше воспринять эту историю. Часто подобная форма записи делает историю более осмысленной и для самого рассказчика.

Очень важно, что документ этот предоставляется рассказчику, который проверяет, правильно ли с его слов записана его история».

О проблеме пыток в российской милиции говорят люди, которые пережили пытки и жестокое обращение

Мы посчитали важным узнать у людей, переживших пытки, что они думают о проблеме пыток в стране, в чем видят причины, из-за которых сама ситуация, когда человека могут подвергнуть жесткому обращению и пыткам, становится возможной. Нам представляется значимым именно тот факт, что рассуждения людей, переживших пытки и жестокое обращение, основаны не на сведениях, во множестве представленных в СМИ, а на личном, хоть и безрадостном, опыте переживания и преодоления пыток. Мы публикуем комментарии этих людей, совершенно не вмешиваясь в их

высказывания и, тем более, не давая их точке зрения оценки. Мы убеждены в том, что точка зрения пострадавших должна занимать равное положение в ряду экспертных мнений и комментариев.

Ответы пострадавших представляют собой существенную часть «палитры» обращений в правозащитные организации: среди этих людей - и вдова, отстаивающая необходимость наказания убийц супруга; и несправедливо задержанная и избитая молодая женщина; и человек, лишенный идентичности (под его именем похоронили неопознанный труп); и человек, не-

санкционированно помещенный в психиатрическую клинику; и человек, из которого «выбивали» признание в совершении преступления.

Ответы очень разные, это взгляды с разных сторон, отражающие как опыт взаимодействия с правоохранительными органами, так и специфику мышления и мировосприятия людей. Ответов немного, поэтому было бы неверно делать обобщения. Но, по опыту общения с десятками пострадавших, можно сказать, что в целом эти ответы созвучны позиции многих обращающихся за помощью в правозащитные организации.

О том, как и для чего собирались истории

Представленные здесь истории были собраны в рамках программы Фонда «Общественный вердикт» по психологическому сопровождению людей, переживших пытки и жестокое обращение. Эта программа действует с 2007 года. Одной из основных ее целей является оказание психологической помощи пострадавшим и их близким в формате индивидуальных консультаций и встреч с семьей. Однако важным аспектом психосоциальной помощи также является создание контекста, в котором люди, преодолевающие последствия травмирующей ситуации, получают возможность помочь другим, оказавшимся в сходных обстоятельствах. Знание о том, что можно внести ценный вклад в жизнь других людей, укрепляет способность влиять на собственную жизнь, т.е. позицию, противоположную позиции «беспомощной жертвы». Организованные определенным образом сбор и распространение историй, в частности, и создают такой контекст, где люди, помогая другим, помогают себе.

Четверо обученных психологов-интервьюеров отправившись в Краснодар, Новокузнецк и Сыктывкар, где общались с потерпевшими и собирали истории в фор-

мате «описания с обеих сторон». В работе участвовали также психологи на местах - в частности, в Абакане, в Москве и Московской области. Психологи объясняли потерпевшим, зачем нужен сбор подобных историй и как они в дальнейшем будут использоваться. После этого люди выражали активную заинтересованность в участии в проекте. Они сообщали о том, как важна для них не только собственно юридическая или психологическая помощь, но и моральная поддержка правозащитников и психологов, то, что их жизненная ситуация, страдание и борьба за справедливость важны не только им самим, но и другим людям.

Записанные истории можно - с разрешения авторов - делать доступными более широкому сообществу. Они могут вызвать у читателей отклик, который, в свою очередь, можно передать автору истории. Ниже приведены два письма (из десятков), полученных в ответ на одну из историй (она была опубликована на сайте Фонда «Общественный Вердикт» и прочитана на конференции в одном из центров социального развития и адаптации).

«Здравствуйте!

Я услышала Вашу историю, и больше всего меня впечатлило то, как Вы думали о маме, как она увидит

Как вы считаете, происшедшее с вами типично только для нашей страны и нашего времени, или в других странах и в другие периоды времени тоже случалось подобное?

О.: «Такого, как мне кажется, в цивилизованных странах быть не может. И раньше в нашей стране такого предела не было, это недавнее».

Л.: «Раньше, когда я сталкивалась с такими делами, мне всегда казалось, что просто потерпевшие не обращались куда надо или опускали руки. Теперь я считаю, что слишком велик у нас простор для коррупции, для злоупотребления властью».

П.: «Я думаю, что такие случаи типичны не только для нашей страны, однако в нашей стране значительно хуже с произвольными практиками правоохранительных органов, так как в других странах больше действует закон, а не коррупция. Хорошие сотрудники ушли из правоохранительных органов, а новые не хотят работать. Недаром Президент РФ Д.А. Медведев сказал: «Коррупция там, где погоня»».

Е.: «Я думаю, что такие случаи нередки и в других странах».

Т.: «В такой степени, мне кажется, это типично именно для нашей страны, и более того – именно для нашего года».

Как вы для себя обозначаете то, что вам пришлось пережить? Какой термин ближе к вашему опыту: «насилие», «жестокое обращение», «произвол», «пытки», еще какой-то? Почему?

О.: «Я бы не стал называть то, что мне довелось пережить, пытками. Пытки – это насилие, санкционированное законом, с определенной целью - например, получить информацию о вражеских планах. То, что со мной сделали, – это насилие вне закона, произвол и жестокое обращение».

Л.: «Считаю, что это жестокое насилие над личностью. Все можно и нужно было решить мирным путем, как и предлагал убитый мой супруг, а дело волокитилось и было прекращено. Никто из сотрудников правоохранительных органов не стал доводить дело до конца».

П.: «Это чистой воды произвол со стороны правоохранительных органов, так как они не хотят работать как следует».

Е.: «Произвол, насилие, жестокое обращение. Никто не позволял сотрудникам правоохранительных органов унижать личность, причинять телесные повреждения».

К.: «Это произвол».

Т.: «Произвол и беспредел».

Как вы считаете, в силу чего подобное обращение с людьми может существовать? Что его поддерживает в обществе, в государстве?

О.: «Во-первых, сокрытие преступлений. Во-вторых, несоблюдение законов. В-третьих, то, что люди запуганы и не верят, что у них есть какие-то права».

Л.: «Сотрудники правоохранительных органов чувствуют вседозволенность и безнаказанность. А люди не верят в возможность доказать свою правоту».

П.: «Это, мне кажется, характерная для России в целом халатность: вместо того чтобы делать как следует - прощупать на несуществующие вещи. Чтобы меньше работать и больше получать».

Е.: «Считаю, что это проблема нашего общества. В милиции мало платят, и туда идут работать много «моральных уродов», которые, получив немного власти, начинают издеваться над людьми».

К.: «Этот произвол может существовать в силу несовершенства нашего законодательства».

Т.: «Ситуация поддерживается, с одной стороны, чиновниками, а с другой – самим обществом».

Р.: «У нас нет разделения властей. Если бы были независимые суды, то они вынесли бы приговор по закону».

Вас после всего. Возможно, и даже скорее всего, это потому, что я - мама семи мальчиков. И один из моих подростков однажды вызвал на себя гнев милиционеров, бросив в их машину ледышку, после того как его и еще двух мальчишек эта машина чуть не сбила.

И зная, как легко можно попасть в ситуацию избития милиционерами, я в то же время знаю, как трудно доказать это. Ваша активность, Ваши действия после происшедшего очень отозвались во мне - появилась вера в то, что восстановить справедливость возможно. И то, что Вы продолжаете бороться, хотя лично Вам это приносит страдание, говорит мне о многом Вашем мужестве. Ваша победа в этом судебном процессе остановит не только тех, кто избивал Вас, но и других сотрудников этого отделения, а возможно, и других отделений. А если эта история будет предана гласности, то, возможно, и другие потерпевшие найдут в себе силы действовать в свою защиту. Я - по крайней мере, до знакомства с Вашей историей - считала, что не буду «бороться с ветряными мельницами», если подобное произойдет в моей семье. Теперь - буду. Спасибо вам за Ваше мужество и победы Вам!

А., 40 лет, мама и приемная мама».

«Здравствуй!

Меня зовут Таня. В твоей истории мне показалось очень важным, что ты стал бороться за свои права, несмотря на то что ситуация выглядела безнадежной. Я согласна с тобой в том, что чем меньше таких ситуаций оказываются безнаказанными, тем больше шансов, что когда-нибудь мы будем жить в справедливом обществе, не бояться и уважать себя и других. В моей жизни были ситуации, когда я не могла постоять за себя. То, что ты борешься за справедливость, отчасти реабилитирует и меня, а также вдохновляет меня бороться за себя и за то, что дорого, чего бы это ни стоило.

Спасибо».

Эти (и остальные) письма были переданы авторам историй – реальное подтверждение, что история не была рассказана «в пустоту», а так или иначе значимым образом повлияла на жизнь других людей.

Дарья Кутузова
кандидат психологических наук,
психолог Фонда «Общественный вердикт»

Но у нас этот институт не работает, он «прилип» к исполнительной власти. В Конституции это прописано, но на практике его нет. Надо изменить уголовно-процессуальное законодательство так, чтобы любые сведения, сообщенные гражданином на следствии, даже в присутствии защитника, либо полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, если он на суде от них откажется, считать недопустимыми. То есть одного отказа у судьи достаточно, чтобы их считать недопустимыми - и тогда для оперов не будет смысла выбивать их, пытаться людей, чтобы получить признание».

Почему важно, чтобы такое обращение с людьми перестало существовать? Какие ценности и права оно подвергает поруганию?

О.: «В первую очередь, поруганию подвергается право на жизнь».

Л.: «Насилие – это преступление. И если нет справедливости, то насилие порождает насилие».

П.: «Человек, его права и свободы – высшая ценность, которую должно охранять и защищать государство. Нужно, чтобы сотрудники правоохранительных органов работали как следует, чтобы ничего и никого не боялись, не были зависимы, были честными и неподкупными».

Е.: «Никто не имеет права нарушать право личности на неприкосновенность, устраивать самосуд».

К.: «Каждый должен надлежащим образом выполнять свою работу».

Т.: «Чтобы была справедливость, не было ущемления прав граждан».

Как вам кажется, что можно и нужно было бы изменить в устройстве правоохранительной системы, в средствах массовой информации, в законах и в общественном сознании, чтобы подобное обращение с людьми перестало существовать?

О.: «Чтобы средства массовой информации не принадлежали государству, не контролировались государством. Открыто писать о преступлениях и не скрывать их. И сделать так, чтобы в правоохранительных органах не было круговой поруки, поддерживающей безнаказанность».

Л.: «Рыба, как говорится, гниет с головы. Если насилие не было наказано и люди не смогли доказать свою правоту, то такое же насилие может повториться. Удивительно, что те, кто осуществляет насилие, не верят, что так же кто-то может поступить и с ними – унижить и уничтожить. А хорошо бы им было это знать».

П.: «Нужно вернуть в правоохранительные органы старые кадры, а новые заставить работать путем усиления их ответственности. Д.А. Медведев сказал, что в РФ невозможные масштабы коррупции, с которой нужно бороться».

Е.: «Считаю необходимым устраивать более жесткий отбор в правоохранительные органы по морально-этическим качествам. Необходимо усилить ответственность за сокрытие

преступлений, не допускать сокрытия преступлений со стороны надзирающих органов».

К.: «Нужно усилить ответственность лиц, которые должны содействовать правосудию, но не исполняют это».

Т.: «Нужно ужесточить законы».

Если бы вы могли обратиться с призывом к таким же, как вы, пострадавшим от произвола, а также к общественности и к профессионалам – юристам, политикам, к чему бы вы призвали каждую из этих групп людей?

О.: «Пострадавшим и общественности сказал бы: не молчите! И всех бы призвал знать и соблюдать законы».

Л.: «Я бы призвала органы правопорядка лучше разбираться в мотивах преступлений, не покрывать преступников, наказывать по справедливости. Потерпевшим желаю набраться терпения и не опускать рук до последней инстанции, а там уж как Бог даст, если после всего душа не очерствела».

П.: «Я бы сказал: «Давайте жить дружно, жить по-честному: не красть, не воровать. Давайте быть порядочными людьми»».

Е.: «Потерпевшим советую не опускать руки; Общественности – не закрывать глаза на подобные поступки. Юристам, политикам необходимо расшевелить это «осиное гнездо», то есть правоохранительные органы, для того чтобы проверки проводились надлежащим образом, не было сокрытий преступлений».

К.: «Я бы хотел призвать потерпевших бороться за свои права».

Т.: «Политикам – сделать законы более суровыми для сотрудников правоохранительных органов, которые нарушают права граждан. Юристам – выполнять требования законов».

Р.: «Президента можно призвать только к одному: учи, читай и повторяй, что такое демократия, и следуй этим постулатам. А представители власти пусть каждый вечер в течение года смотрят фильмы про концлагеря – может быть, что-то человеческое в них проснется».

Материал подготовлен Дарьей Кутузовой

